

Епископ Михаил

**Библейская наука:
Академические чтения по
Священному Писанию
Ветхого Завета**

**Книга 4. Учительные книги
Ветхого Завета**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е67

Е67 **Епископ Михаил**
Библейская наука: Академические чтения по Священному Писанию Ветхого Завета: Книга 4. Учительные книги Ветхого Завета / Епископ Михаил – М.: Книга по Требованию, 2015. – 172 с.

ISBN 978-5-458-28508-7

ISBN 978-5-458-28508-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Учительныя книги В. 3.

Епископа Михаила.

При чтеніи историческихъ Библейскихъ книгъ Ветхаго За-
вѣта, встрѣчаются такія мѣста, которыя по способу пред-
ставленія изображаемыхъ предметовъ, по особенному богат-
ству образовъ, метафоръ, символовъ, а вслѣдствіе того по
особенному слогу и языку, вообще по особенной формѣ изо-
браженія, замѣтно отличаются отъ простаго, въ формѣ лѣто-
писи представленнаго, историческаго разсказа о событіяхъ,
бывшихъ въ народѣ Еврейскомъ. Въ нихъ—этихъ особенныхъ
мѣстахъ—извѣстный предметъ, мысль, не прямо и просто из-
лагаются, а облачаются такимъ языкомъ, который кажется
не чуждымъ нѣкоторой высокой искусственности, что особен-
но замѣтно при простомъ, безхитростномъ языкѣ историче-
скихъ повѣствованій; въ нихъ вѣтъ особенный духъ, особен-
ная какъ будто жизнь, особенный образъ представленія, и
потому особенный въ нихъ строй рѣчи и языкъ. Это—мѣста
поэтическія. Но священная поэзія Евреевъ не ограничивается
только этими немногими произведеніями, сохранившимися въ
историческихъ книгахъ; это лишь небольшіе отрывки. Поэзія
составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей каждаго
народа и болѣе или менѣе художественное развитіе ея у на-
рода необходимо, какъ скоро онъ организуется въ цѣлый осо-
бый народъ и, вышедъ изъ состоянія непосредственности, гдѣ
онъ живетъ лишь прежними отрывочными воспоминаніями о
прошедшемъ, сознаетъ себя какъ народъ, чувствуетъ свои
жизненные силы, понимаетъ свое значеніе и назначеніе, твердо
смотритъ на свое прошедшее и будущее. И въ Еврейскомъ
народѣ современемъ не могла не развиться эта потребность,
не могло не быть и удовлетворенія ея, то есть не могло не
явиться болѣе или менѣе обширныхъ поэтическихъ произве-
деній, какъ болѣе или менѣе ясныхъ выраженій поэтической
стороны народнаго духа, выраженій въ поэтической формѣ
воззрѣній на міръ Божій и жизнь міра и духа. И такія про-
изведенія дѣйствительно появлялись, и многія важнѣйшія изъ
нихъ вошли въ канонъ Священныхъ Еврейскихъ книгъ, какъ
Богодухновенныя, писанныя подъ вліяніемъ Духа Іеговы, очи-

щавшаго и возвышавшаго въ лицѣ св. избранниковъ поэтическое воззрѣніе народное, сообщавшаго имъ характеръ истинности и предохранявшаго отъ примѣси лжи. Эти поэтическія книги, по особенному характеру Еврейской поэзіи, выражающейся во многихъ изъ нихъ, называются *учительными*, — *дидактическими*, хотя это слово и не выражаетъ вполне дѣла. Таковы книги — Іова, Псалтирь, Притчи Соломоновы, Екклезіастъ, Пѣснь Пѣсней, Плачъ Іереміи. Впрочемъ, этими книгами не исчерпывается вся полнота Еврейской поэзіи; важнымъ и необходимымъ восполненіемъ ея служатъ нѣкоторые мѣста въ пророческихъ книгахъ Вѣтхо-Завѣтнаго канона, гдѣ пророки не рѣдко въ чисто и высоко-поэтической формѣ представляютъ извѣстные предметы внѣшняго и духовнаго міра. Другія поэтическія произведенія, какъ лишенные характера Богодуховности, не вошли въ канонъ Священныхъ книгъ, и или утратились, какъ напримѣръ книга „Браней Іеговы“, „Приточки“, „книга Праведнаго“ и многія изъ пѣсней и притчей Соломона, или сохраняются какъ книги только полезныя, какъ, напримѣръ, книги Премудрости Соломона и Сираха. Объ апокрифахъ позднѣйшихъ не говоримъ уже. Само собою разумѣется, что поэтическій образъ представленія въ Еврейскихъ священныхъ книгахъ нисколько не идетъ въ ущербъ истинности исторической, или пророческой, или вообще въ какомъ бы то ни было смыслѣ истинности изображаемыхъ воззрѣній на вселенную — въ обширномъ смыслѣ слова; у священныхъ писателей это — одна изъ формъ откровенія. Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію именованныхъ учительныхъ или поэтическихъ книгъ, намъ надобно I) вкратцѣ прослѣдить исторію развитія Еврейской поэзіи, II) разсмотрѣть ея общій характеръ, общее содержаніе и форму, III) наконецъ — раздѣленіе или роды Еврейской поэзіи.

I.

1) Въ Моисеевыхъ книгахъ мы находимъ слѣды поэзіи далекой древности; только они, по отрывочному характеру своему (вѣроятно, какъ отрывки изъ длинныхъ пѣсней), не могутъ подлежать изслѣдованію, за неимѣніемъ другихъ данныхъ для изслѣдованія ихъ. Такова, напримѣръ, пѣснь о Ламехѣ, изъ которой только малая часть сохранена; она, какъ видно, была сложена строфами или стихами; по крайней мѣрѣ въ ней есть метръ и параллелизмъ членовъ. „И сказалъ Ламехъ женамъ своимъ: Адда и Цилла послушайте словъ моихъ; жены

Ламеховы, вслушайтесь въ рѣчь мою. Я убью мужа, который поранитъ меня, и отрока, который ударитъ меня. Если за Каина должно быть отмщено въ семеро; то за Ламеха въ семьдесятъ разъ въ семеро (Быт. 4, 23—24). Но о характерѣ и значеніи этой пѣсни, говоримъ, ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Подобный характеръ имѣетъ рѣчь Ноя, въ которой въ пророческомъ духѣ предрекается будущая участь сыновъ его (Быт. 9, 25—27). Третье болѣе полное и странное произведеніе патриархальной поэзіи древнѣйшей—это благословеніе Іаковомъ сыновъ своихъ (Быт. 49). Судьбы будущія потомковъ Іакова здѣсь изложены въ поэтической формѣ, съ сохраненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже метра, хотя какъ и въ прежнихъ двухъ отрывкахъ не вездѣ одинаковаго. Вотъ примѣры поэтической образности и сохраненія метра и параллелизма этой рѣчи или пѣсни. „Сойдитесь и послушайте меня сыны Іакова, послушайте Израиля отца вашего. Симеонъ и Левій—братья, орудія жестокости мечи ихъ, въ тайну ихъ да невидеть душа моя: и къ сомнѣнію ихъ да не пріобщится слава моя. Ибо они во гнѣвѣ своемъ избили мужей, и въ своевольствѣ своемъ перерѣзали жилы тельцовъ. Проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ, и ярость ихъ, ибо свирѣпа и проч. Іуда—юный левъ, ты съ левитвы идешь, сынъ мой; онъ преклоняется на колѣна, возлегаетъ какъ левъ, какъ молодой лъвенекъ, кто возбудитъ его? Онъ привязываетъ къ виноградной лозѣ осленка своего и къ лозѣ превосходнаго винограда—сына ослицы своей; омываетъ виномъ одежду свою, и кровью гроздовъ—одѣяніе свое. Очи его червенеютъ отъ вина и зубы его бѣлѣютъ отъ молока“, и проч. Поэтический параллелизмъ здѣсь замѣтенъ съ перваго взгляда, и нѣкоторая высокая искусственность, съ какою здѣсь изображена вся эта рѣчь, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, хотя, какъ замѣчаетъ Евальдъ, метръ во всѣхъ этихъ древнихъ поэтическихъ отрывкахъ не имѣетъ совершенства позднѣйшихъ поэтическихъ произведеній Еврейскихъ. Это драгоценный остатокъ изъ поэзіи глубокой древности, по которому можно нѣсколько судить, какъ, при строгой истинѣ и чистотѣ, возвышенна была эта древняя непосредственная поэзія. Нѣтъ сомнѣнія, что показанными отрывками не ограничивалась поэзія тѣхъ временъ а были и другія произведенія ея, ибо въ предметахъ воодушевленія поэтическаго не было недостатка въ патриархальный періодъ Еврейскаго народа у этихъ мужей, которые ходили съ Богомъ, которыхъ взоръ проникалъ въ

таинственные судьбы прошедшаго, настоящаго и будущаго, руководимый лучем откровенія,—мужей, жившихъ еще въ младенческомъ состояніи рода человѣческаго, когда еще непосредственность міросозерцанія мало распалась, когда человекъ во всей вселенной живо видѣлъ и ясно ощущалъ образъ Божественнаго присутствія въ формахъ болѣе чувственныхъ, и смотрѣлъ на все съ юношеской восторженностію, которую окрыляли и очищали, и которою управляли непосредственные откровенія Бога Іеговы. Но кромѣ указанныхъ пѣсней, памятниковъ священной поэзіи тѣхъ временъ не сохранилось. Въ бытность Еврейскаго народа въ Египтѣ, когда, не смотря на сильныя препятствія, быстро организовалась народность Еврейская, конечно, не могло не быть поэтическихъ произведеній, которыми народъ могъ нѣсколько усладить свою грустную судьбу. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что непосредственно по выходѣ народа изъ Египта, слагались поэтическія произведенія, что указываетъ уже на развитую въ народѣ потребность поэзіи; но письменныхъ памятниковъ поэтическихъ отъ этого періода также не сохранилось; можетъ быть, сильный гнетъ со стороны Египтянъ препятствовалъ распространенію этихъ поэтическихъ произведеній; можетъ быть, давилъ и задерживалъ развитіе самыхъ потребностей, какъ бы то ни было, только говоримъ, отъ того времени ничего не сохранилось въ этомъ отношеніи.

2) Великое, составляющее эпоху въ жизни Еврейскаго народа событіе, исшествіе его изъ Египта, не могло не сопровождаться сильнымъ возбужденіемъ и быстрымъ полетомъ народной поэтической фантазіи. Великія чудеса Божіи, явившія въ это время, доставляли ей предметы для творчества и окрыляли ее; это стремленіе не могло теперь ничѣмъ задерживаться въ своемъ обнаруженіи,—обстоятельства давали ему высоконравственное религіозное направленіе, и вотъ въ *періодъ Моисея*, когда народъ Еврейскій, праздновалъ, такъ сказать, свое рожденіе, полнѣе узналъ волю Божію о судьбахъ своихъ, когда теократія выразилась ясно и положительно,—въ этотъ важный періодъ является Еврейская поэзія въ болѣе обширныхъ произведеніяхъ, съ силою и величіемъ, простотою и таинственностію,—богатствомъ, свѣжестію и живостію образовъ. Такъ, какъ только перешли Евреи Чермное море, и вода покрыла погнавшихся за ними Египтянъ,—Моисей и сыны Израилевы воспѣли Господу величественную пѣснь,—въ которой весьма замѣтенъ параллелизмъ членовъ и

стихотворный размѣръ, при величїи и силѣ образовъ. Замѣчательно, что пѣніе этой пѣсни сопровождалось инструментальною игрою и свящ. ликованїями (Исх. 15, 20 д.). Если у Евреевъ въ это время, а слѣдовательно и нѣсколько раньше,—въ Египтѣ, были священная музыка и свящ. ликованїя: то это обстоятельство должно было имѣть такъ же сильное вліяніе на развитіе народной поэзіи, будучи само порожденіемъ этой поэзіи; ибо всегда и всюду, какъ только появляется въ народѣ музыка и ликованїя,—это сопровождается возбужденіемъ народной фантазіи и умноженіемъ поэтическихъ произведеній.—Весь строй приведенной пѣсни Моисея и сыновъ Израилевыхъ показываетъ, что она назначена была современемъ занять мѣсто въ храмовомъ Богослуженїи; ибо такой *правильный*, стихотворный размѣръ, какъ кажется примѣненный къ аккомпанементу музыкальныхъ орудій, свойственъ именно тѣмъ пѣснямъ, которыя назначались для общественнаго Богослуженїя,—какъ это видно изъ сравненїя ея съ Псалмами. Къ высоко-поэтическимъ произведенїямъ этого же времени принадлежатъ послѣднїя рѣчи Моисея къ народу Еврейскому; наприм. Втор. 32 и 33. Хотя не вездѣ здѣсь параллелизмъ рѣчи, какъ это въ чистыхъ поэтическихъ произведенїяхъ; но однакоже онъ есть во многихъ мѣстахъ. Вдохновенный вождь Евреевъ, смотря въ даль будущую народа, говоритъ ему въ образахъ могучихъ и живыхъ, и рѣчь его, импровизированная, часто вливается въ формы параллелизма и строфы, и принимая видъ высокой искусственности является высоко-поэтической, хотя эта поэзія не чистая, какъ удовлетвореніе поэтическимъ потребностямъ народнаго духа,—а служитъ лишь орудіемъ, средствомъ для достиженїя другихъ цѣлей,—убѣжденїя или устрашенїя. Поэзіей дышатъ и многїи другїя рѣчи Моисея, хотя въ нихъ она ограничивается лишь частными фигурами, метафорами и притчами,—рѣдко принимая форму параллелизма и строфы. Наконецъ, сюда же должно причислить вдохновеннїя рѣчи Валаама, хотя онъ и не былъ собственно Еврей (Числ. 23, 7 и д.), но въ нихъ дышетъ духъ Іеговы, какъ и въ Еврейскихъ пѣснопѣвцахъ, таже живость и сила образовъ, таже истина изображаемаго, тогъ же витшій строй рѣчи. Кромѣ этихъ, сохранившихся въ книгахъ Моисеевыхъ, вдохновенныхъ произведеній поэзіи были въ этотъ періодъ и многїя другїя произведенїя, какъ можно заключать изъ указанїй тѣхъ же книгъ. Такъ въ нихъ упоми-

нается о народныхъ поэтахъ подъ именемъ Приточниковъ (Числ. 21, 27), которые заслужили это имя безъ сомнѣнія своими народными поэтическими произведеніями. Можно догадываться, что были даже дѣльныя собранія народныхъ пѣсней; такова, можно думать, была „книга брани Іеговы“, упоминаемая въ книгѣ Числъ (21, 14), въ которой воспѣвались великія дѣла Іеговы, явленныя въ народѣ Еврейскомъ во время чудеснаго странствованія его по пустынѣ.

Этотъ духъ поэзіи поддерживался въ народѣ и по смерти Моисея, при занятіи и послѣ занятія земли обѣтованной, и можетъ быть по временамъ разгорался съ большою силою, чему способствовалъ характеръ самой земли, на которой поселился народъ и особенныя обстоятельства занятія ея. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкая земля въ этой полосѣ Азіи была такъ способна возбуждать и питать поэтич. чувство народа, какъ земля обѣтованная,—и только неблагопріятныя политич. обстоятельства и внутреннія смуты послѣ І. Навина до Самуила могли развѣ удерживать обнаруженіе поэтическихъ силъ народа или сдавливать ихъ. Прелесть здороваго и чистаго климата, роскошь и нѣга прекрасной природы, величественныя, какія только на востокѣ быть могутъ,—явленія въ природѣ, на небесахъ и на землѣ; густыя, величественныя массы облаковъ зимой, чистота и нѣга атмосферы лѣтомъ въ тихіе мѣсяцы; поразительныя бури съ восточными громами и молніями въ др. мѣсяцы; увѣнчанныя снѣгами вершины горъ рядомъ съ восхитительными долинами и равнинами, залитыми роскошными растеніями, съ бурными потоками и тихими ручейками; видъ безграничнаго моря со всѣми разнообразными явленіями на немъ; великолѣпіе и разнообразіе растительнаго царства, начиная съ огромныхъ кедровъ Ливанскихъ и великолѣпныхъ дубовъ Васанскихъ и вѣковыхъ теревинфовъ, до малыхъ прекрасныхъ лилій, которыя живописно покрывали скалы;—кратко—все, что разнообразнаго и великолѣпнаго соединилось на этой небольшой землѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ,—все способно было сильно возбуждать народную фантазію къ сложенію поэтич. произведеній, особенно въ народѣ юномъ, полномъ могучихъ силъ духовныхъ. Къ этому присоединились многія чудеса, которыя являлъ Богъ среди народа своего, великія дѣла великихъ, возбужденныхъ духомъ Божиимъ, людей, управлявшихъ Израилемъ и защищавшихъ его отъ внѣшнихъ враговъ. Собраніе народныхъ пѣсней изъ этого періода было извѣстно подъ именемъ „кни-

ги праведнаго“, которая, по изслѣдованіямъ и догадкамъ ученыхъ, была не что иное, какъ сборникъ хвалебныхъ, благодарственныхъ и молитвенныхъ пѣсней въ честь или умило-
 стивленіе Бога Іеговы, а такъ же въ честь великихъ мужей Израильскаго народа, пѣсней, составлявшихся или этими самими мужами, или народными пѣвцами, или левитами и священниками. Это собраніе началось около времени І. Навина, можетъ быть еще ранѣе (Нав. 10, 13). Въ нашихъ историческихъ книгахъ этого періода не много помѣщено вдохновенныхъ произведеній поэзіи этого времени. Сюда относятся нѣкоторыя мѣста изъ рѣчей Навина, гдѣ впрочемъ не всегда находится параллелизмъ, еще меньше метръ и строфы,—гдѣ есть только величественная и живая образность; потомъ—описаніе бури при пораженіи соединенныхъ силъ Адониседека и др. Хананейскихъ царей (Нав. 10, 10—14); пѣснь Девворы и Варака (Суд. 5, 2—31); притча Іоана (9, 8—15). Особенно замѣчательна рѣчь Девворы; въ ней не только параллелизмъ членовъ, но и метръ и строфы; въ ней много новыхъ и свѣжихъ образовъ, что все сообщаетъ ей характеръ чисто и высоко поэтической. Сюда же должно отнести притчи и загадки Самсона, и наконецъ—хвалебную пѣснь Анны, матери Самуила, записанную въ первой книгѣ Царствъ (гл. 2), также съ соблюденіемъ параллелизма членовъ, метра и строфъ.

3) Но самое дѣйствующее состояніе Еврейской поэзіи было въ вѣкъ Давида и Соломона. Многія обстоятельства, кромѣ уже высказанныхъ, способствовали тогда возбужденію и оживленію поэзіи въ народѣ Еврейскомъ. Первое мѣсто безъ сомнѣнія занимаетъ здѣсь великое народное движеніе, окончившееся переменой правленія,—избраніемъ и постановленіемъ царя, и важныя слѣдствія этой перемены. Народъ послѣ перваго царя, при второмъ и третьемъ, достигъ великаго могущества и славы; онъ не чувствовалъ гнета со стороны чуждыхъ сосѣднихъ народовъ; царство Еврейское расширилось, разбогатѣло, организовалось крѣпче, а съ тѣмъ вмѣстѣ сосредоточеннѣе и полнѣе развивались силы народныя; совершенно много великихъ дѣлъ; народъ много видѣлъ великихъ дѣйствій,—Іегова продолжалъ могущественно дѣйствовать чрезъ избранныхъ имъ вдохновенныхъ его силою мужей.—Вотъ почему въ продолженіе этого періода находимъ частыя упоминанія въ нашихъ историческихъ книгахъ о пѣсняхъ народныхъ и музыкѣ. Взойдемъ въ нѣкоторыя частности. Вслѣдствіе дви-

женія народнаго, окончившагося переменной формы правленія, великій вождь народа Самуиль съ своей стороны,—кажется частію въ ограниченіе новоучрежденной царской власти, которой угрожала опасность при новостяхъ ея и юности народа превратиться въ восточный деспотизмъ, или въ предостереженіе злоупотребленій этой власти, а въ случаѣ злоупотребленія ею и—въ обличеніе и удержаніе; съ другой стороны въ ограниченіе Іерархической власти, чтобы она не подверглась злоупотребленію, какъ было наприм. при Иліѣ; наконецъ какъ бы для посредства между Іеговою, царемъ, Іерархіею и народомъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—Самуиль, говоримъ, учредилъ такъ называемыя пророческія училища,—пользовавшіяся великимъ уваженіемъ въ народѣ, въ которыхъ были многіе великіе органы непосредственныхъ Божественныхъ откровеній. Изъ снесенія мѣстъ, въ которыхъ дѣлается указаніе на эти училища и сонмы Пророковъ, видно, что ихъ призваніемъ было пророчество (въ обширномъ смыслѣ) вмѣстѣ съ упражненіемъ въ музыкѣ (1 Цар. 10, 5. 19, 20 сл.). Но едва ли возможно думать, чтобы эти занятія, особенно послѣднее, не было соединено съ пѣніемъ и поэтическимъ воодушевленіемъ, т. е. упражненіемъ въ поэзій, въ сложеніи гимновъ, притчей, гномовъ и др.,—по тѣсной связи того и другихъ занятій и по взаимному ихъ вліянію. Эти учрежденія, говоритъ Генгстенбергъ,—стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ и цвѣтущимъ состояніемъ священной Еврейской лирики. Что пророчество было соединено у нихъ съ упражненіемъ въ священной лирикѣ, это видно изъ того, что они пророчествовали, имѣя свирѣли и тимпаны и сопѣли и гусли, что вовсе не было въ обыкновеніи у Пророковъ, имѣвшихъ призваніе только пророчествовать; по крайней мѣрѣ на это нѣтъ указаній въ пророческихъ книгахъ; далѣе объ этомъ отчасти лирическомъ характерѣ занятій учениковъ пророческихъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что вступившіе въ ихъ кругъ невольно сами пророчествовали, что возможно лишь при сильномъ поэтическомъ возбужденіи; такого дѣйствія отъ обыкновенныхъ пророковъ на прочихъ людей не видно изъ священныхъ книгъ. Можно потому думать, что эти училища пророч. весьма много содѣйствовали развитію священной Еврейской поэзій.

Тѣсныхъ отношеній Давида, который составляетъ эпоху въ развитіи священной Еврейской поэзій, къ этимъ учрежденіямъ или школамъ пророч. изъ исторіи не видно. Впрочемъ, при

разсмотрѣніи того высокаго значенія, которое имѣетъ Давидъ въ развитіи священной Еврейской поэзіи, не нужно опускать изъ виду его самыхъ близкихъ отношеній къ Самуилу,—настоятелю сонмовъ пророческихъ, съ которымъ онъ разъ былъ, по свидѣтельству исторіи, между учениками пророческими, когда Саулъ посылалъ искать его (1 Цар. 19, 18—24); не нужно опускать изъ виду, что онъ чрезъ Самуила избранъ и помазанъ былъ на царство, состоялъ подъ особеннымъ покровительствомъ великаго пророка до самой смерти его,—и значить, подъ великимъ и вліяніемъ его. Но главнымъ образомъ личный характеръ Давида, его особенное положеніе какъ совершеннѣйшаго теократическаго царя и высокіе природные поэтическіе дары, подъ вліяніемъ Божественнаго Духа, содѣлали то, что онъ занимаетъ такое великое мѣсто въ развитіи священной поэзіи; только такой богатый природными дарами духъ, только такъ высоко стоящая личность и съ такимъ широко развитымъ во всѣхъ отношеніяхъ характеромъ, могъ начать новую эпоху въ этомъ отношеніи. Давидъ представляется какъ мужъ съ глубокимъ теплымъ чувствомъ, съ сильною впечатлительностію, съ душою вѣжною, съ характеромъ, проникнутымъ особенною сердечностію; таковымъ представляется онъ въ своихъ отношеніяхъ къ помазаннику Божію, конечно, отвергнутому, но все же помазаннику Божію, Саулу, потомъ въ отношеніяхъ къ Ионафану, къ своимъ женамъ, дѣтямъ и вообще окружающимъ; это былъ мужъ съ глубокимъ, истинно Израильскимъ благочестіемъ, мужъ по сердцу Божію (1 Цар. 13, 14), великій въ своемъ царскомъ величіи и славѣ,—великій въ своемъ смиреніи и покаяніи, великій въ брани Іеговы. Такіе характеры предназначаются къ совершенію великихъ дѣлъ. Къ этому присоединяются необыкновенныя обстоятельства его жизни; сначала идиллическія отношенія его простой, одинокой, пастушеской жизни; потомъ—вдругъ торжество славной побѣды надъ Голиафомъ, пріобрѣтшей ему популярность, потерянную Сауломъ; потомъ величіе и слава царскаго престола, съ страшными бѣдствіями и нуждами при жизни Саула, частыми войнами въ послѣдующія времена. Онъ зналъ жизнь всякаго рода, зналъ и людей всякаго рода по собственному опыту. Наконецъ, нужно обратить вниманіе на высокое религіозное значеніе, какое онъ даровалъ идеѣ царства и царя и на высокое назначеніе его собственно лица. Въ Давидѣ осуществилось давнее ожиданіе и теплое желаніе Израиля видѣть себя подъ управленіемъ царя истиннаго,

великаго, возлюбленнаго Богомъ, посылающимъ за царя и чрезъ царя благословеніе на народъ свой; это былъ идеаль теократическаго царя, а царство Еврейское при немъ идеаломъ теократическаго царства; онъ былъ прообразомъ истиннаго царя—Мессіи,—и Богъ обѣщаетъ устроить престолъ его до вѣка. Проникнутый сознаніемъ этого высокаго значенія своего Божественнаго призванія и своего историческаго значенія въ теократическомъ царствѣ, живо чувствуя свое положеніе, Давидъ имѣлъ огромное вліяніе на свое время во всѣхъ отношеніяхъ, и—внѣшнихъ дѣйствіяхъ, и внутреннихъ распоряженіяхъ, въ томъ числѣ и въ развитіи священной Богослужебной поэзіи Евреевъ, такъ что онъ считался любимымъ пѣвцемъ Израиля, псалмы котораго благолѣпны, въ которомъ Духъ Господень глаголаетъ, и слава Его на языкѣ его (2 Цар. 23, 1—3). Какъ скоро сдѣлался онъ царемъ надъ всѣми колѣнами Израилевыми, тотчасъ обратилъ заботливое вниманіе на устройство общественнаго Богослуженія, какъ кажется, утратившаго для народа великое свое значеніе въ смутныя времена судей. При этомъ священной поэзіи и инструментальной игрѣ онъ назначилъ весьма видное мѣсто, и—даже самъ при перенесеніи кивота завѣта въ восторженной радости скакалъ и игралъ. Образованіемъ хора пѣвцовъ, подъ управленіемъ трехъ начальниковъ пѣвцовъ Асафа, Емана и Идноума (1 Цар. 25, 1 сл.), онъ утвердилъ за священной лирикой и музыкой богослужебное значеніе и великое вліяніе на религіозную жизнь народа. Введенная имъ въ этомъ хорѣ пѣвцовъ священная игра на разныхъ инструментахъ не только глубоко напечатлѣвала въ сердцахъ всѣхъ благочестивыхъ Израилтянъ многочисленные гимны, составленные имъ же и положенные на музыку, но возбуждала и другихъ даровитѣйшихъ и благочестивѣйшихъ между пѣвцами къ составленію, подъ вліяніемъ Божественнаго Духа, новыхъ пѣсней, въ которыхъ они, по примѣру своего царственнаго вождя и наставника, воспѣвали хвалы Богу. Таковы были Асафъ, сыны Кореевы или Карахиты, Еоамъ, Идноумъ. Собраніе этихъ вдохновенныхъ пѣсней, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ ранняго и позднѣйшаго происхожденія, составляетъ книгу, извѣстную въ Еврейскомъ канонѣ подъ именемъ Сеферъ Тегилиимъ, книга хваленій или псалтирь. Такъ Давидъ своимъ личнымъ характеромъ, своимъ высокимъ положеніемъ, значеніемъ и назначеніемъ и, наконецъ, своими великими творческими дарованіями, возвелъ Еврейскую поэзію, собствен-